

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ

Болтовская Елена Александровна

доцент кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Культурный концепт «Родина» стал особенно интересен исследователям с 90-х гг. XX века из-за того, что после распада СССР как «большой» Родины многих народов возникла острая необходимость осмысления собственной национальной идентичности. На материале сборника «Исповедь: русскоязычная поэзия Беларуси (конец XX – начало XIX века)», изданного в серии «Школьная библиотека» в 2010 году, выявим языковые средства репрезентации концепта «Родина» в поэтических текстах пятнадцати белорусских авторов: Вениамина Блаженного, Анатолия Аврутина, Светланы Евсеевой, Андрея Скоринкина, Юрия Сапожкова, Валентины Поликаниной, Юрия Фатнева, Валерия Гришковца, Тамары Красновой-Гусаченко, Григория Соколовского, Елены Пехоты, Бронислава Спринчана, Виктора Тростянского, Валерия Москаленко, Гавриила Шутенко.

Наиболее многочисленной является группа лексем, связанная с географической средой обитания лирических героев. Среди названий городов, деревень, рек, озер преобладают белорусские, хотя встречаются и иные (например, *Москва-река* в «Зимней сказке» А. Скоринкина).

В описании лесов, полей, лугов «малой» Родины у большинства авторов сборника основную роль играют образы природы, которые из конкретно-описательных могут перерасти в символические: *береза, березка, березняк* («Береза», «В предвечерний час», «О русская земля...» В. Тростянского, «Возвращение странника» А. Скоринкина, «Березка» Ю. Сапожкова, «Если в разлуке не встречу удачи...», «Речка Беседь», «Вполголоса», «Люблю бродить в туманах осени...», «Опять под березою кружка...» Ю. Фатнева, «После победы» Т. Красновой-Гусаченко, «Деревня» Г. Соколовского, «Свитязянка» Е. Пехоты); *василек(и), васильковое поле* («Васильки России, васильки России...» Ю. Фатнева, «Как жизнь несется! Юность оттремела...» Т. Красновой-Гусаченко, «Ты меня напрасно ревновала...» Г. Соколовского, «Отъезд» В. Поликаниной, «Сокровенное» Б. Спринчана); *яблоня(и), яблоки, яблоневый сад* («Дикая яблоня» Ю. Фатнева, «Мне не сказали яблоки...», «Моя мама идет по дороге...», «После победы», «Купальская ночь», «Ябло-

невый сад» Т. Красновой Гусаченко), *сосна, сосенка, сосняк* («Белорусские месяцы» Б. Спринчана, «Оранжевая сосенка прикрыла...», «Дикая яблоня» Ю. Фатнева, «Дышу весной... А путь-то к ней неблизкий...» Г. Соколовского, «Волхвовица» Е. Пехоты). Помимо указанных выше растений, упоминаются и *рябина, рябинки, клен(ы), каштан(ы), липа(ы), груша, ракета(ы), дуб, ивы, ясень(и), тополь(я), калина, ель(и), елки, осина, сирень, акация, черемуха, ландыш, ромашка, клевер, крапива, колокольчик, жасмин, полынь, иван-чай, кувшинка(и), незабудки, подснежники, вереск, фиалки, лен, пшеница, рожь, чабрец, шиповник, терновник, боровики*. В стихотворении «Отъезд» В. Поликановой внимание читателя привлекают белорусизмы «бульба», «жыта». Под влиянием белорусского языка, в котором многие названия ягод являются существительными *pluralia tantum*, у Т. Красновой-Гусаченко множественное число приобретает лексема «земляника»: *Много ягод... А коль собирала – так мало, так мало, / За всю долгую жизнь – только горстку лесных земляник...* («И – ушла... Высоко! Высоко-высоко улетела...»)», а у В. Москаленко – «осока»: *... это счастье полета в лугах / меж речных берегов и осок* («На Березине»).

Немаловажным является социальный признак концепта «Родина», характеризующий значимость «своих» (родственники, друзья, соседи) в жизни лирических героев в их противоборстве с «чужими». Среди номинаций «своих» – *мать, мама, отец, сын (сыновья), сыночки, дочь (дочери), бабушка, дед, внучата, жена(ы), женищина, сестра, друг (друзья), прадеды, правнук, предок(и), сосед(и), соседка, родня, домочадцы, навшие герои* («Портреты героев» Ю. Сапожкова), *в бронзе воскресший Гастелло* («Дорога памяти» Б. Спринчана). Имеются произведения, в которых четко вырисовывается образ агрессивных врагов, с которыми белорусский народ сражался, поднимаясь на защиту Отечества *от рук загребущих* («Белая вежа» Б. Спринчана). «Чужаками» для белорусов в свое время были и обобщенные «басурман» («Мы пришли и уйдем...» А. Аврутина), «фашист», «иностранец» («Памяти полесских глухарей» Ю. Фатнева), «враг – коварный дипломат» («После победы» Т. Красновой-Гусаченко), и вполне конкретные «тевтоны и шведы – незванные гости», «корсиканец», французы, шведы («Белая вежа», «Мирский замок», «Дорога памяти» Б. Спринчана): *Пришельцы из чужой земли / Рубили, жгли тебя дотла. / Но вновь березки проросли, / И от коры их – даль светла* («Лес» Б. Спринчана). Встречается и другое отношение к «чужим»: *И, что же? Драться за столом? / И вот сидим, и пьем – с врагом...* («После победы» Т. Красновой-Гусаченко); *... Пока жива, есть для меня одна / Пригодная для жизни сторона. / Пока жива – на этой стороне / Есть люди только родственные мне / И есть чужие. Но чужих людей / Не чту врагами я. Так здоровей* («Личные враги» С. Евсевой).

У некоторых авторов основу художественной картины мира составляют не образы природы, а образы культуры, точнее – литературы. Причем одни поэты апеллируют к русской, а другие – к белорусской литературе, чаще всего – к поэзии: *Но вновь: «Умом Россию не понять...», / Но вновь: «Белеет парус одинокий...»* <...> *Опять: «Свеча горела на столе...», / Опять: «Я помню чудное мгновенье...»* («Да, мы такие... Нечего пенять...» А. Аврутина), *Я чаще там, где профиль Анны, / Где Блок, стремящийся на фронт, / Где мне рукой махнет жеманно / Худой, взьерошенный Бальмонт* («Любимым лгу... Не лгу бумаге...» А. Аврутина), *Опять «умом Россию не понять...» – / Так и живем, ее не понимая* (Раскрытый Тютчев... Смятая кровать» А. Аврутина); *... И на столе зачитанный Тургенев...* («Любила я в свои шестнадцать лет...» С. Евсеевой); *Не та звезда пленительного счастья / Зависла над Отчизною моей!* («Звезда над Россией» А. Скоринкина); *Одна лишь пуля. / А Россия / Все не придет никак в себя* («У памятника Пушкину» Ю. Сапожкова); *Это я, как тот горький, пропащий Герасим, / А хата все смотрит – глазами щенка...* («Я поеду, поеду домой этим летом...» Т. Красновой-Гусаченко); *Сиротский стол, украшенный «Венком»...* («Памяти Максима Богдановича» В. Поликаниной); *Зависим от нависшей тишины, / От честного купаловского слова...* («Зависим» Г. Соколовского); *И «Жалейка» раннего Купалы, / Та, что в память в юности запала, / Всколыхнулась музыкою строк <...> ... Вспоминая Коласа Якуба, / Выдохнуть душой: «Мой родны кут...»* <...> *... Строфы Богдановича Максима / Из его священного «Венка» <...> ... И строка «А дні ідуць» из Бровки / Тихо наплывает в мой настрой* («Сокровенное» Б. Спринчана), *Мне в наследство вечностью дана / Праздничная Библия Скорины* («Библия Скорины» Б. Спринчана).

Анализ произведений, вошедших в сборник, позволяет сделать вывод о том, что поэты создают образ Родины в ее пространственно-временном континууме, выражают личностное, чаще всего положительное, отношение к изображаемому: *Вплели мы в свой герб золотистый, / который не раз защищали, / ваш колос тяжелый и чистый / и древним серпом увенчали* («Предкам» В. Москаленко). Одни из них (например, А. Аврутин) подчеркивают свою духовную связь с русской культурой («Русский поэт» – *пусть напишут на камушке... / Просто, без имени: «Русский поэт»...* («В “пятой графе”», где о национальности...)), другие (например, Б. Спринчан), наоборот, с белорусской, о чем свидетельствует намеренное обращение к белорусизмам, к белорусским персоналиям. А есть и те (С. Евсеева, В. Поликанина), которые стараются вбирать в свои тексты лучшее от той, и от другой культуры: *Вы на Русь летите, гуси, / Песни – / Через Беларусь!* («Песня» С. Евсеевой); *Хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска* («Корни» В. Поликаниной).